

въ себѣ лицъ всевозможныхъ вѣроисповѣданій; но если такъ, то оно совершаетъ еще болѣе жестокое насиліе надъ совѣстью своихъ гражданъ: совершенно очевидно, что какой-нибудь еврей, мусульманинъ или просто невѣрующій не можетъ добровольно, по внутреннему убѣжденію, осуществлять дѣло Христово на землѣ. „Свободная теократія“, о которой мечталъ Соловьевъ,—одна изъ самыхъ противорѣчивыхъ фантазій, какія когда либо зарождались въ человѣческой головѣ. Не совмѣщаясь съ идеаломъ христіанской свободы, теократія не соотвѣтствуетъ и требованію полноты религіозной жизни. Изъ того, что единеніе человѣка съ Богомъ должно быть всецѣлымъ и полнымъ, слѣдуетъ не то, что государство должно стать частью Царства Божія, а какъ разъ наоборотъ, что въ этомъ Царствѣ для него нѣтъ мѣста. Религіозный идеаль требуетъ не включенія государства въ теократическую организацію, а напротивъ, исключенія его изъ Царствія Божія. Христосъ въ своемъ царствѣ хотеть видѣть въ людяхъ друзей, а не подданныхъ. Онъ хотеть господствовать не какъ принудительная власть, а какъ истина. Но тѣмъ самымъ теократія осуждена съ христіанской точки зрѣнія. *Идеаль Царствія Божія не теократиченъ, а анархиченъ*: ибо вмѣстѣ съ міромъ въ немъ окончательно исчезаетъ всякая мірская власть.

Съ этой точки зрѣнія мы можемъ признать ту относительную долю истины, которая заключается въ „новомъ жизнеописаніи“ Толстого. Его оцѣнка государства, несмотря на ея несовершенство, все-таки заслуживаетъ предпочтенія передъ оцѣнкой теократическою. Онъ правъ въ своемъ утвержденіи, что Царствіе Божіе безгосударственно, что государство несомвѣстимо съ идеаломъ христіанскаго совершенства.

Но здѣсь, какъ и всюду, разсужденія Толстого обезцѣниваются основнымъ его заблужденіемъ—отрицаніемъ того самаго религіознаго содержанія, которое составляетъ отличіе Царствія Божія отъ всего мірскаго, временнаго. Поэтому самое ученіе о непротивленіи злу въ связи съ отрицаніемъ государства у него оторвано отъ его положительнаго смысла.

Въ ученіи Христа Царствіе Божіе есть мистическій порядокъ, въ которомъ совершенно и окончательно побѣждается зло, и человѣкъ становится едино съ Богомъ. Сущность этого порядка коротко и ясно выражается предсмертными словами Христовыми—